

Исследования по типологии
славянских, балтийских
и балканских языков

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF SLAVIC STUDIES

**STUDIES IN THE TYPOLOGY
OF SLAVIC, BALTIC AND
BALKAN LANGUAGES
(WITH PRIMARY REFERENCE
TO LANGUAGE CONTACT)**

Saint-Petersburg
ALETHEIA
2013

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

**ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ТИПОЛОГИИ
славянских, балтийских
и балканских языков
(преимущественно в свете
языковых контактов)**

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2013

УДК 811.16/18'44

ББК 81

И 889

Ответственный редактор:

академик *Вяч. Вс. Иванов*

Ответственный секретарь и составитель:

кандидат филологических наук *П. М. Аркадьев*

Рецензенты:

член-корреспондент РАН *Т. М. Николаева*

член-корреспондент РАН *В. А. Плунгян*

И889 Исследования по типологии славянских, балтийских и балканских языков (преимущественно в свете языковых контактов). – СПб.: Алетейя, 2013. – 368 с.

ISBN 978-5-91419-778-7

Сборник посвящён общим и частным вопросам типологии славянских, балтийских и балканских (в первую очередь, албанского) языков на разных уровнях: фонологии и просодии, морфологии, синтаксиса, лексики и их взаимодействия. Большая часть статей сборника обращаются к проблематике языковых контактов как важного фактора изменения языковой системы и причины ареального распространения тех или иных типологических черт.

Сборник предназначен для лингвистов – славистов, балтистов, балканистов, типологов, специалистов по истории языка и языковым контактам.

Studies in the Typology of Slavic, Baltic and Balkan Languages (with primary reference to language contact). – Saint-Petersburg: Aletheia, 2013. – 368 p.

The volume comprises papers dealing with various aspects of the typology of Slavic, Baltic, and Balkan (primarily Albanian) languages: their phonology and prosody, morphology, syntax, lexicon, and their interactions. Most of the papers address these issues from the point of view of language contact, understood as an important factor of language change and a primary means of areal spread of linguistic features.

The book will be of interest to linguists specializing in Slavic and Baltic languages, balkanologists, typologists, specialists in historical linguistics and language contact.

ISBN 978-5-91419-778-7

9

785914197787

УДК 811.16/18'44

ББК 81

© Коллектив авторов, 2013

© Институт славяноведения РАН, 2013

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2013

Д. В. Сичинава (Москва)

**ЧАСТИЦЫ БЫЛО И БЫВАЛО:
РУССКИЕ «ВТОРИЧНЫЕ МОДИФИКАТОРЫ»
В СВЕТЕ ТИПОЛОГИИ И ДИАХРОНИИ***

The paper deals with the Russian deverbal particles *bylo* and *byvalo*. In different contexts they have syntactic and prosodic properties either of verbal modifiers or of semi-autonomous discourse markers; alongside with this, there exist contexts, particularly in oral speech, where their grammaticalized status is dubious and they can be construed as serialized verbal forms. Both particles exhibit semantics typologically close to the one of the so-called ‘discontinuous past’ markers, which is corroborated by their etymology. Historically some of their uses have been also semantically close to each other and related to verbal serialization (a secondary phenomenon for *bylo* but a primary one for *byvalo*). It is shown that for both markers two zones of more grammaticalized uses exist, namely, for *bylo*, marking of an early abnormal twist of a situation, and, for *byvalo*, retrospectivization of some specific habitual present/future forms. However, in the course of the 20th century their grammaticalized uses have been gradually losing ground, whereas the properties of degrammaticalization on the prosodic, semantic, and statistical levels are becoming salient.

В настоящей статье речь пойдёт о двух лексических единицах русского языка – о частицах *было* и *бывало* (иногда *бывало* характеризуется как «вводное слово», если таковое выделяется в качестве самостоятельной части речи). Русское *было* – достаточно неплохо изученный элемент русской лексики и грамматики (ср. прежде всего [Barentsen, 1986; Шоштайшвили, 1998; Князев, 2004; Kagan, 2011]). Соображения по поводу русского *было*, изложенные в данной работе, отчасти уже были предметом обсуждения в моих предыдущих статьях (прежде всего [Сичинава, 2009, 2010, 2012]), однако соотнесение с русским *бывало* (не столь хорошо изученным) помогает заново «высветить» некоторые характерные признаки этого слова. При оценке данных со статистической точки зрения я буду опираться, как и в указанных выше работах, на Национальный корпус русского языка, в том числе на подкорпус устной речи и недавно ставший доступным мультимедийный подкорпус.

* Данная работа выполнена при поддержке Программ Президиума РАН «Корпусная лингвистика» и «Историко-культурное наследие и духовные ценности России», а также проектов РГНФ 10-04-00256а и № 11-24-01004а/Bel.

1. Формальный статус: разные уровни грамматикализации

Как частица *было*, так и частица / вводное слово *бывало* в современном языке с формальной точки зрения неоднозначны, а именно могут занимать разные места в морфологическом континууме между самостоятельным словом и близкой к аффиксу клитикой. Этот континуум соответствует различным степеням грамматикализации обсуждаемых показателей, причём одновременное существование в языке всех трёх стадий не является чем-то необычным – это частный случай так называемого наслаивания уровней грамматикализации, или *layering*, по [Норре, 1991].

Вот эти три положения на шкале между аффиксом и полнозначным словом:

- А) вторичные морфологические модификаторы к глагольным словоформам, занимающие известное маргинальное место в словоизменительной парадигме;
- Б) дискурсивные показатели, или «дискурсивные слова»;
- В) элементы глагольной сериализации, близкие к глагольным формам (особенно в примерах из разговорной речи).

Русская лексикографическая традиция считает *было* частицей, а *бывало* либо частицей, «употребляющейся в значении вводного слова» ([БАС-2 1991: 845], также [МАС 1981: 128]), либо вводным словом как самостоятельной частью речи (так в [Ушаков (ред.), 1935] и различных изданиях словаря С. И. Ожегова / Н. Ю. Шведовой). По-видимому, к частице в прототипическом понимании ближе всего случаи А) и Б), ко вводному слову – случаи Б) и В); дискурсивный показатель представляет собой точку пересечения того и другого.

Разберём эти три статуса подробнее. Во-первых, и *было*, и *бывало* могут рассматриваться в ряду так называемых «вторичных модификаторов», достаточно тесно присоединяющихся «снаружи» к полностью оформленной словоформе финитного глагола. Один подкласс таких показателей рассмотрен в работах В. А. Плунгяна и Й. ван дер Ауверы ([Плунгян, 2001; Plungian, Auwera, 2006]), а именно здесь речь идёт о показателях, с семантической точки зрения добавляющих к словоформе ту или иную составляющую значения, связанную с временным планом прошлого и, конкретнее, с так называемым «неактуальным прошедшим» (*discontinuous past*), причём в ряде языков таких показателей несколько. Семантическая зона «неактуального прошедше-

го» включает в себя, в частности, прекращённую ситуацию в прошедшем, аннулированный или недостигнутый результат, неактуальный опыт в прошедшем, нереальное условие. Как мы увидим далее, ровно к этому семантическому типу и относятся оба рассматриваемых показателя, хотя, разумеется, «вторичный модификатор» – понятие морфологическое, связанное с определённым этапом грамматикализации и не предопределяющее использования такой техники (в терминологии Плуныяна – ретроспективного сдвига) как показателя именно и только этой специфической области значений.

И действительно, *было* и *бывало* употребляются – в «прототипических» случаях, преобладающих в литературных текстах и находящихся в поле зрения традиционной грамматики, – в составе достаточно устойчивых конструкций, где тяготеют, во-первых, к контактной позиции с модифицируемой глагольной словоформой, во-вторых, к выбору определённого класса словоформ с грамматической точки зрения, в-третьих, к несамостоятельному просодическому статусу.

Проведённые ранее нами подсчёты по русскому *было* показывают, что для этой частицы в литературных текстах решительно преобладает контактное словоупотребление [Сичинава, 2009: 367–368]; а из двух возможных логически контактных позиций – препозиции и постпозиции – существенно преобладает последняя (примерно 75–80% случаев), причём различие в порядке элементов, по-видимому, семантизировано (а именно, у глаголов умозаключения и ощущения вроде *подумать* и *испугаться* предпочтительна препозиция, [там же: 357–369]).

С просодической точки зрения частица *было* наследует показателю древнерусского плюсквамперфекта, к которому она восходит, по крайней мере, в составе конструкции вроде *пошёл было, но передумал* (об этимологии наших показателей подробнее см. ниже). Этот показатель был клитикой уже в древнерусский период, хотя, возможно, его энклитический статус установился «не вполне прочно» [Зализняк, 2008: 39–40]; о современном языке [там же: 268], в литературном языке по крайней мере XVIII–XIX вв. он ещё не нёс самостоятельного ударения; академический словарь 1948 г. аттестует *было* как «безударную» частицу. Безударное (или со слабым вторичным акцентом в общей синтагме) произношение *было* обычно в речи актёров старшего поколения в фильмах 1950–1970-х, входящих в мультимедийный корпус НКРЯ¹:

¹ При этом в расшифровке в части случаев может стоять «обычное» полное ударение и/или иное деление на синтагмы. О необходимой доле скепсиса в связи с субъективностью просодической расстановки «слэшей» в устных подкорпусах

- (1) [Хоттабыч, Николай Волков, муж., 56, 1900]. А мнѣ было показáлось / что эта почтѣнная жѣнщина остана́лась недовольна широтой тво́их познáний [Геннадий Казанский, Лазарь Лагин. Старик Хоттабыч, к/ф (1956)].
- (2) [Евдокия, Лидия Смирнова, жен., 59, 1915]. Да я уже́ было закрѣла магази́н [Михаил Жаров и др. Анискин и Фантомас, к/ф (1974)].
- (3) [Кузьма, Юрий Никулин, муж., 40, 1921]. А! А я́ было обеспоко́ился [Лев Кулиджанов, Николай Фигуровский. Когда деревья были большими, к/ф (1961)].

Наконец, прототипическим грамматическим классом словоформ, к которым присоединяется вторичный модификатор *было*, являются финитные словоформы прошедшего времени на *-л*, что опять-таки соответствует этимологии данной конструкции – древнерусский плюсквамперфект относится к классу так называемых «сверхсложных» глагольных форм, образованных при помощи аналитического перфекта (впоследствии развившегося в прошедшее время на *-л*) как полнозначного, так и вспомогательного глагола [Петрухин, Сичинава, 2006]. Само по себе наличие «формы-фаворита» не является обязательным для вторичных показателей, для многих из которых характерна, по [Плунгян, 2001], как раз «широкая сфера действия»²; так, в лезгинском или в волоф показатели «ретроспективного сдвига» присоединяются практически ко всем видо-временным формам. И действительно, как мы увидим, грамматическая сочетаемость показателя *было* проявляет явную тенденцию к расширению, а восходящая к плюсквамперфекту конструкция – к расшатыванию.

Показатель *бывало* в существенно меньшей степени проявляет признаки «вторичного модификатора», чем *было*; безусловно, это связано с его этимологией, где отсутствует поддержка со стороны аналитической грамматической формы (см. ниже). Тем не менее есть известный круг употреблений, где такие признаки можно выделить. В. А. Плунгян

НКРЯ см. [Гришина, 2005: 95–96; Сичинава, 2010: 194]). Далее я иногда без оговорок исправляю эти параметры расшифровки на основании прослушивания.

² Под сферой действия в цитируемой работе имеется в виду круг словоформ, к которым обсуждаемый показатель может присоединяться. Ниже речь пойдёт также о сфере действия в синтаксическом и дискурсивном смысле (*score*), то есть об отрезках предложения и/или текста, к которым относится значение показателя; поэтому для значения, в котором этот термин употреблён в статье В. А. Плунгяна, я в данной работе буду использовать выражение «грамматическая сочетаемость».

[2001: 83] в связи с его грамматической сочетаемостью отмечает, что показатель *бывало*, в отличие от *было*, «в принципе, способен присоединяться к любым глагольным формам, но наиболее частотны, по-видимому, всё же сочетания с презенсом СВ типа *откроешь бывало*». Класс употреблений «будущее время + *бывало*» (причём в достаточно высоком проценте случаев – именно в сочетании с обобщённо-личным употреблением формы 2 лица ед. ч.) в действительности преобладал лишь в литературном языке XIX – первой половины XX вв.; как будет сказано ниже, с 1950-х годов его употребительность существенно сокращается. Однако именно он является наиболее грамматикализованным, где употребление *бывало* сильнее всего продвинуто в направлении «вторичного модификатора».

Например, конструкция с *бывало* без учёта временной формы глагола, по данным Национального корпуса русского языка, не обнаруживает видимого предпочтения ни к дистантному, ни к контактному расположению: 49% случаев контактного *бывало* против 45% дистантного (в остальных 6% случаев глагол поверхностно не выражен и тем самым параметр не определяется)³. При этом для случаев, когда полнозначный глагол выражен формой будущего времени, контактных употреблений уже 64%, а в случаях с формой прошедшего времени – наоборот, только 38%; настоящее время значимых предпочтений не даёт, представляя собой как бы усреднённый «фон». Естественно объяснять это как эффект более сильной грамматикализации контекста: сочетание будущего времени с этимологической формой прошедшего времени от глагола *бывать* сильнее оторвано от употребления этого глагола в ряду с другими формами прошедшего времени (в рамках сериализации или иначе).

Значимо также употребление обобщённо-личного 2 лица ед. ч., причём не только в будущем, но и в настоящем времени: предложения с контактным *бывало* типа (4) встречаются вдвое чаще, чем с дистантным расположением показателя (5).

³ При подсчётах контексты с неотделимыми словоформами между *бывало* и глаголом, например, частицей *не*: *Бывало, не поем полдня*, – учитывались как пример контактного *бывало*. Случаи, когда *бывало* относится к широкой сфере действия, включающей глаголы разного времени (см. ниже), исключены из подсчётов по конкретным временам; впрочем, пробный подсчёт показал, что сочетание настоящего времени с будущим ведёт себя как «чистое» будущее время, с тем же предпочтением к контактному положению *бывало* с одной из глагольных словоформ (обычно именно футуральной).

- (4) С каким волнением, *бывало*, ждешь появления вальдшнепа из-за вершин деревьев и как обрадуешься удачному выстрелу! [С. Т. Аксаков. Записки ружейного охотника Оренбургской губернии (1852)].
- (5) *Бывало*, когда идешь из дальнего района города и добираешься до первой вывески «Петрорайрабкоопа», чувствуешь себя дома. [И. М. Дьяконов. Книга воспоминаний. Глава третья (1926–1928) (1995)].

При этом не удаётся усмотреть какого-либо статистического эффекта для форм глаголов прошедшего времени несовершенного вида, так называемого многократного способа действия, на *-ыва-*, образованных аналогично *бывать* от *быть*; здесь *бывало* находится ещё «в своей стихии» и не нуждается в прикреплении к глагольной словоформе:

- (6) Мы, приближенная прислуга, не знаем, кому и как служить; и я, *бывало*, по глупому своему характеру, еще при жизни покойной генеральши этим разбойникам, княжеским лакеям, смело *говаривал*: «Что это, говорю, разбойники, вы у нас наделали!» [А. Ф. Писемский. Тысяча душ (1858)].

В отвлечении от параметров, дополнительно способствующих контактному употреблению, в целом для *бывало* характерна позиция не обязательно в непосредственном контакте с глаголом, а перед всей группой сказуемого, которая, в частности, может и начинаться с глагола. *Бывало* «пропускает» в позицию между собой и глаголом практически не ограниченный набор обстоятельств, в отличие от *было*, имеющего достаточно строгие лексические ограничения на обстоятельства в этой позиции (см. [Шошитайшвили, 1998] и уточнения в [Сичинава, 2009]):

- (7) Дедушка приходил и на нашу квартиру в Кремле и, *бывало*, подолгу *сидел* у меня в комнате, дожидаясь прихода отца к обеду [Светлана Аллилуева. Двадцать писем другу (1963)].
- (8) Я *бывало* теперь в лес так *пройдуся*, или краем полей и радость меня охватывает всего: всему дивлюсь и все понимаю [М. М. Пришвин. Дневники (1927)].

О просодии частицы *бывало* косвенно говорит тот факт, что по современной пунктуационной норме она обособляется. Можно утверждать, однако, что эта норма сравнительно поздняя: немногочислен-

ные исключения из этого правила в Корпусе приходится на литературу XIX – первой половины XX вв., ср. пример (8) из Пришвина⁴; в этой связи интересно отметить, что в примере из [Ушаков (ред.), 1935] – *В молодости он б<ывало> охотился на волков – бывало*, хотя и названо «вводным словом», пунктуационно всё же не обособлено. В целом это потенциально несамостоятельная единица, способная выступать как в роли отдельной синтагмы, так и в роли проклитики и энклитики, а также слова с второстепенным ударением. Клитический или не полностью самостоятельный статус надёжно засвидетельствован в текстах мультимедийного корпуса XX – начала XXI вв. (правда, пока имеются только примеры из речи актёров не позже 1930-х годов рождения); характерно, что во всех этих примерах речь идёт о контактном *бывало* в сочетании с будущим временем:

- (9) [Бабушка, жен.]. У меня́ мно́го б́ыло ребя́т. *Бывало сошьо́ рубашку*. Пёрвым С́анечка но́сит / пото́м В́итя / пото́м Лёша [Георгий Данелия, Геннадий Шпаликов. Я шагаю по Москве, к/ф (1963)].
- (10) [Катя, Валентина Ананьина, жен, 37, 1933]. А в о́тпуск / *быва́ло (второст.) прие́дет* / и в до́ме светле́й стано́вится [Андрей Смирнов, Вадим Трунин. Белорусский вокзал, к/ф (1970)].
- (11) [Мэр, Олег Табаков, муж, 67, 1935]. Ре́дко загля́дываете в мэ́рию! Как ча́сто встреча́лись ра́ньше / а́! Бывало *зайде́те* / мы́ посиди́м! А́! [Дмитрий Астрахан и др. Леди на день, к/ф (2002)].

Статус «вторичного модификатора» – это статус грамматического, морфологического показателя, сфера действия которого – словоформа, к которой он присоединён. Однако неоднократно обращалось внимание и на случаи, когда показатели схожего типа и этимологии имеют более широкую сферу действия, охватывающую несколько предикаций; таким образом, перед нами уже не морфологический показатель, а показатель связности дискурса, «дискурсивное слово», в понятиях работ [Путеводитель, 1993; Пайяр, Киселева (ред.), 1998]. Так, на-

⁴ Пунктуации современных переизданий текстов XIX в. можно доверять лишь с известной долей условности, как мы уже отмечали в связи со схожей проблемой – обособление *было* – в [Сичинава, 2009]; она обычно выравнивается по современным нормам. Таким образом, сохранение в современном издании ненормативной с современной точки зрения пунктуации скорее информативно, в то время как совпадение с современной нормой ни о чём не говорит; каждый такой случай необходимо сверять по прижизненным изданиям.

пример, показатели плюсквамперфектного происхождения, выражающие значение неактуального временного интервала, нередко маркируют лишь самую первую предикацию, их сфера действия – весь первый абзац или текст; это так называемый «сдвиг начальной точки» [Сичинава, 2008: 256, 270].

Применительно к русскому *было* подход, рассматривающий его как дискурсивный маркер с широкой сферой действия, принят в работах Т. Л. Поповой-Боттино [Попова-Боттино, 2009]. Сфера действия *было* может охватывать несколько глаголов:

- (12) Сперва *было катался, бился*, потом примолк. [Марк Сергеев. Волшебная галоша... (1958–1965)].

Кроме того, как отмечено, в частности, в [Князев, 2004: 303], стандартный контекст конструкции с *было* ('X P *было*, но Q') может без заметной потери смысла заменять этот показатель (он пошёл *было*, но раздумал ≈ он пошёл, но раздумал), который не является факультативным только с причастиями:

- (13) И *взбунтовавшийся было* сотрудник выкатывается из редакции в ближайший гастроном [Михаил Козаков. Актерская книга (1978–1995)]. ≠ И *взбунтовавшийся* сотрудник выкатывается из редакции в ближайший гастроном.

Что касается *бывало*, то для его употребления характерна именно широкая сфера действия, охватывающая несколько предикаций. Нередкой является смена глагольного времени внутри этой сферы действия. Чаще всего сочетается настоящее время с будущим, однако засвидетельствованы и все другие логически возможные комбинации времён.

- (14) Я нередко нарочно испытывал эту его колдовскую способность; *бывало, выдумую* что-нибудь и *рассказываю* как бывшее, но он, послушав немножко, отрицательно качал головою [Максим Горький. Детство (1913–1914)].
- (15) *Бывало*, не его *вызывали* к доске, а он сам *идет* к ней, мучает преподавателя, потому что ему непонятны те или другие математические формулы [Никита Хрущев. Воспоминания (1971)].

Наконец, как с *было*, так и с *бывало* отмечен, прежде всего в устных текстах, круг примеров, пограничных между полнозначным (впрочем, само обозначение «полнозначный» по отношению к бытийному,

экзистенциальному глаголу применимо лишь с некоторой оговоркой) употреблением глаголов *быть* и *бывать*, включенных в общий ряд предикаций нарратива, с одной стороны, и употреблением грамматикализованных частиц, с другой стороны.

Применительно к *было* ряд таких примеров выделен мной ранее в работе [Сичинава, 2009]. Их статус колеблется между конструкцией, причём не литературной (со значением «нарушения нормального хода ситуации»), а с иной, экспериенциальной, семантикой, с одной стороны, и свободным объединением *было* с иными глаголами, «вводящими» ситуацию, возможно, в контексте подбора синонимов, с другой стороны. Схема этих примеров – *было (так, что): Р или Р – было (такое)*.

В следующем случае имеется отдельно выраженное подлежащее при *было* и пауза между двумя предложениями – следовательно, имеют место две предикации без следов грамматикализации:

- (16) [№ 2, жен., 37]. Конечно / да / на Красной площади в пионеры *принимали* / *было* конечно все это [Беседа с социологом на общественно-политические темы (Москва) // Фонд «Общественное мнение», 2001].

Похоже устроен и следующий пример, где отсутствует подлежащее вроде *это*, но пауза отмечена:

- (17) [№ 4, муж., 35]. Один раз *было* / *попал* / не помню в каком году / сейчас скажу / в 91-м / я был в Москве на Красной площади 7 ноября и видел Горбачева / на Мавзолее стоит. Мне понравилось. С москвичами транспаранты нес какие-то... [Беседа с социологом на общественно-политические темы (Воронеж) // Фонд «Общественное мнение», 2003].

Следующий пример, где *было* не отделено, допускает ещё и двойную трактовку:

- (18) [№ 0]. Птичий рынок / это общественная организация? [№ 6, муж., 44]. Это не общественная организация [№ 10, жен., 46]. Нет ну митинги сколько *было* *разгоняли* [№ 0]. Санкционированные? [№ 10, жен., 46]. Нет /несанкционированные. Их объявляют несанкционированными и не разрешают [Беседа с социологом на общественно-политические темы (Москва) // Фонд «Общественное мнение», 2001].

Здесь возможны две трактовки исходной синтаксической конструкции: ‘Сколько *было* митингов, их ещё все разгоняли’; ‘Митинги, сколько бы их *было*, разгоняли’.

В корпусе устных текстов имеется ряд аналогичных примеров, где при *бывало* выступают обстоятельства времени или образа действия, которые могут относиться как к *бывало*, так и к полнозначному глаголу. Возможна интерпретация вида ‘тогда так *бывало*: он приходил...’ и ‘тогда он, *бывало*, приходил...’ Вот некоторые примеры этого рода:

- (19) [Соколова, жен., 77]. Ну вот он *сдерживается некоторое время бывало* [Воспоминания о прошлом Е. Соколовой (1981) // М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект. М., 1999].
- (20) Значит / *там у них бывало* / *мать говорила* / что вот если кто-нибудь из них там дежурит на кухне / значит / обязательно / говорила / что-нибудь принесет [Биография (беседа лингвиста с информантом) // Архив Хельсинкского университета, 1998].
- (21) Знаете / *все-таки бывало* / *вот так придешь* / она приходит и говорит / “Можно с вас получить за квартиру?” [Биография (беседа лингвиста с информантом) // Архив Хельсинкского университета, 1998].
- (22) [Вася, муж.]. *Там как бы бывало* / *знаешь* / *приходит* человек / *напивается* / вообще в смерть... [Беседа на радио Next (2006)].

Большинство этих примеров связаны с употреблением настоящего или будущего времени (*откроешь бывало*), поэтому они выступают как пограничные между конструкцией с *бывало* в чистом виде и развёртыванием событий после начального «объявляющего» заголовка типа *тогда вот так бывало*.

2. Диахронические и ареальные источники

С диахронической точки зрения «литературная» конструкция с *было* происходит, как уже говорилось, от древнерусского плюсквам-перфекта «сверхсложного» типа *ходилъ (есмь) былъ*, в которой форма прошедшего времени от вспомогательного глагола впоследствии утратила согласование ([Петрухин, Сичинава, 2006], там же и данные о типологических и ареальных параллелях этого явления); в северных

великорусских говорах, а также в украинском и белорусском языках плюсквамперфект с согласуемой связкой сохраняется (иногда наряду с несогласуемой частицей).

Что касается «нелитературных» конструкций и свободных сочетаний с *было*, встречающихся в разговорной и диалектной речи, то для них, помимо живой синхронной глагольной сериализации, возможно и объяснение, связывающее их с древнерусскими (и современными диалектными, правда, не с полностью тождественным территориальным распределением) конструкциями с избыточным *есть* типа *Ребята есть курят*; этой теме посвящён ряд работ М. Н. Шевелёвой, прежде всего [Шевелёва, 2007].

Таким образом, весьма вероятно, что двойственное сосуществование сильнее и слабее грамматикализованного русского *было* и переходной зоны между ними – явление, насчитывающее по меньшей мере шесть веков, с первых фиксаций избыточного *есть* в древнерусских памятниках.

Частица *бывало*, в отличие от *было*, имеет более однозначную этимологию; это, безусловно, претерит от экзистенциального глагола *бывать*, втянутый в орбиту вторичных морфологических модификаторов через сериализованную конструкцию. Как мы видим, этот процесс также не полностью завершился. При этом перед нами также достаточно старое, общевосточнославянское явление. Частица с аналогичной семантикой и сочетаемостью (при всех трёх временах) имеется в белорусском (*бывала*) и в украинском (*бувало*) языках. На толкование этих лексических единиц в академических словарях советского времени сильно влияет русская традиция (подробнее см. ниже, сноска в разделе 3), однако данные готовящихся в составе НКРЯ украинско-русского и русско-украинского параллельных корпусов показывают, что *бывало* и *бувало* – действительно основные переводные эквиваленты друг для друга. Ср. употребление другого показателя со схожей семантикой в русском переводе: *Але, по правді кажучи, бувало їй недоїсться, а все відложилося якусь там часточку за про слабість та старість... [І. Франко. На дні] – Да все же, сказать правду, иной раз и не доешь, а все отложишь да припасеешь малость на черный день, да на старость лет... [перевод Леси Украинки]. Аналогичные выводы по материалам параллельных белорусско-русских текстов можно сделать и в связи с белорусской частицей *бывала*. В украинском отмечено и не имеющее полного аналога в русском грамматикализованное соот-*

ветствие *бувало* в настоящем времени – *бувае* или *бува* ‘случается, иногда’ с другими, помимо хабитуального, дополнительными значениями (‘в случае’, ‘может быть, чего доброго’) [Гринченко, 1907: 105], [СУМ 1970: 245].

Конструкции сходного вида отмечены также в литовском языке, ср. *Parvažiuos* (приехать. fut), *būdavo, toks ponaitis atostogų ir ištisus tris mėnesius bindzinėja...* ‘Приедет, *бывало*, такой барчук в отпуск и целых три месяца шатается без дела...’ [*J. Tumas-Vaižgantas. Pragiedruliai*, цит. по Dambriūnas, 1960: 46]. Ряд авторов связывает их со славянским влиянием, см., например, [Senn, 1966: 454–455]⁵.

С ареальной точки зрения с частицами *было* и *бывало* возможно сближать также показатели «ретроспективного сдвига» (в трактовке [Плунгян, 2001]; здесь проводится только типологическая параллель с русским материалом) в финно-угорских (пермских и волжских) языках. Здесь они также восходят к претеритным формам глагола ‘быть’, которые стали неизменяемыми. Как и в русском, в ряде языков они парные (ср. удмуртское *вал* и *вылем*, где второй показатель привносит оттенок эвиденциальности); они сочетаются с разными глагольными формами, в том числе презенсом и футурумом, развивают значения семантической зоны неактуального прошедшего, в том числе аннулированного результата. Важно, что для финно-угорских языков характерна сериализация глаголов, также связываемая с соответствующим субстратом в русском языке [Вайс, 2003].

Диахроническая связь *было* с финским субстратом была признана принципиально возможной в работах [Шошитайшвили, 1998] и [Петрухин, Сичинава, 2006]; теоретически допустима она и для *бывало*. Надо учитывать, впрочем, и все сложности, на которые наталкивается такая гипотеза с точки зрения доказательности. Что касается показателя плюсквамперфекта, то, по крайней мере, с семантической точки зрения, он развивался аналогично во всех славянских языках, а согласование (*було*) факультативно утратил и в украинском [СУМ 1970: 254], где финно-угорское влияние отсутствовало. Точное или очень близкое соответствие *бывало*, как мы видели, имеется в украинском и белорусском, причём не исключено заимствование восточнославянской конструкции в литовском. Кроме того, сопоставимый финно-угорский материал имеется только для пермской и волжской зон. Сама идея рас-

⁵ Выражаю благодарность П. М. Аркадьеву, указавшему на литовский материал.

пространения субстратного явления столь глубинного свойства, как калькирование грамматики, по всей великорусской территории, в том числе в говорах, не обнаруживающих других явлений подобного рода, достаточно уязвима. Здесь можно напомнить не вполне убедительную гипотезу О. Б. Ткаченко [Ткаченко, 1979], см. подробнее её критику в [Петрухин, 2007] о связи русского сказочного зачина *жили-были* – вполне объясняемого исходя из типологических свойств плюсквамперфекта – с серийной конструкцией гипотетического «субстратного мерянского языка» при отсутствии прямых параллелей с большинством известных финно-угорских языков. Таким образом, уместнее говорить более осторожно – лишь о возможной ареальной «поддержке» тенденций, уже заложенных в исходном славянском материале, и, разумеется, о типологической параллели.

3. Семантика

Семантика обеих обсуждаемых языковых единиц, как уже отмечалось, связана с типологически устойчивой зоной «неактуального прошедшего». В связи с семантикой частицы *было* существуют две конкурирующие трактовки – модализация значения («неосуществление задуманного действия») и значение аннулированного, недостигнутого результата (подробнее об этих трактовках см. [Varensen, 1986; Сичинава, 2009]). Представляется, что обе эти трактовки можно примирить через предложенную Ю. П. Князевым [Князев, 2004] идею «нарушения нормального хода течения ситуации», частными случаями которой является как недостижение прагматической цели при достижении материального результата, так и неосуществление ситуации в целом. Принципиально важна для частицы *было* такая специфика, как кратковременность осуществления описываемой ситуации и пресечение её «на корню». Об этом говорит как её повышенная сочетаемость с глаголами-инхоативами (помимо прототипических *начать* или *стать*, также и с такими специфическими, как *броситься*, *кинуться* и *раскрыть рот*) [Сичинава, 2009], так и наблюдаемая в параллельном корпусе модель появления *было* при переводе обстоятельств кратковременного действия типа англ. *for a while* или нем. *einen Augenblick lang*.

Основное значение *бывало* – некоторая привычная ситуация в прошедшем, неактуальная для настоящего момента.

- (23) Тоже никак не мог он стерпеть, когда кто-нибудь, зная всегдашний норов его, *начнёт, бывало*, из одного баловства приставать и расспрашивать, что у него лежит в сундучке... [Ф. М. Достоевский. Господин Прохарчин (1846)].
- (24) *Бывало, стрелялись* в начале войны, когда мы отступали. [Никита Хрущев. Воспоминания (1971)].

С типологической точки известно, что *хабитуалис* в прошедшем представляет собой устойчивую межъязыковую видо-временную категорию (PASTHAB в нотации работы [Dahl, 1985]), часто маркируемую отдельно от *хабитуалиса* в настоящем; в нашем случае, однако, определённую *хабитуальную* семантику несут уже исходные формы презенса совершенного вида (будущего): *как увижу, как услышу, всё во мне заговорит* (об этом классе употреблений см., в частности, [Mønnesland, 1984]).

Семантика *бывало* определяет и жанр дискурса, для которого она особенно характерна – воспоминания о (сравнительно далёком) прошлом. Именно в таких текстах (аудиозаписях устных мемуаров людей старшего поколения) она чаще всего и представлена в устном подкорпусе Национального корпуса русского языка; ср. примеры (18)–(21). Ср. также толкование Н. Ю. Шведовой: «О вспоминаемом: случилось в прошлом, прежде» [Ожегов, 1989: 70] (разрядка наша).

Сочетание *бывало* с формой прошедшего времени этимологически представляет собой двойное маркирование претерита, характерное для форм «неактуального прошедшего» в немногочисленных генетически не связанных языках мира (не считая уже упомянутых «сверхсложных форм»). Замечателен тот типологический факт, что в языках с «двойным показателем прошедшего», включая адыгейский [Короткова, 2009: 277–278], корейский, дьола в Сенегале, эти формы имеют обычно и экспериенциальное значение (не обязательно привычного действия; единичный опыт может быть и достаточно необычным), как правило, в сочетании с неактуальным значением и/или переносом в план прошедшего. Именно такую интерпретацию позволяют и конструкции с *бывало* в сочетании как раз с прошедшим временем несовершенного вида (ср. толкование-парафразу, дословно повторяющуюся в разных авторитетных словарях: ‘случалось в прошлом, прежде, иногда’ [Ожегов, 1952: 53, БАС-2 1991: 845, МАС 1981: 128], так же в Малом толко-

вом словаре В. В. Лопатина и др.; ‘случалось в прошлом, иногда’ [Словарь XVIII: 2: 181] – применительно к синонимичному *бывало* употреблению *было*⁶):

- (25) Обижался на нее, *ругались, бывало, ох ругались!* [Евгений Шкловский. Соглядатай (1990–1996)].
- (26) *Бывало, до войны за деньги самого черта тебе мог смастерить.* [Василь Быков. Знак беды (1982)].⁷

4. Деграмматикализация и пути сближения

С диахронической точки зрения за последние два века, как представляется, грамматикализованные *было* и *бывало*, принадлежащие к смежной семантической зоне, в известной степени уступают место свободному, неграмматикализованному употреблению соответствующих словоформ.

В связи с частицей *было* это утверждение обосновывается пониженной частотностью её в разговорной речи и подавляющим преобладанием её использования в текстах художественной литературы, ограниченностью сочетаемости и факультативностью – то и другое характерно для деграмматикализации [Сичинава, 2009: 364–367, 391–393]; в то же время в устных текстах широко представлены именно свободные употребления с *было*, семантика которого выходит за рамки литературной конструкции.

Что касается частицы *бывало*, то особый подсчёт по вхождению этой словоформы в Национальном корпусе русского языка по нескольким неравным периодам даёт следующие результаты:

⁶ Добавим, что в украинском академическом словаре толкование частицы *бувало* демонстрирует явное влияние русской лексикографии: «Уживається при вираженні дії, що нерегулярно повторялась у минулому, у знач. часом, іноді, траплялось» – в статье *бувало* (разрядка в оригинале); почти так же в статье *було* [СУМ 1970: 245, 254], а в пятитомном «Толковом словаре белорусского языка», очевидно, толкование *бывала* в основном переведено с украинского, причём «раней» добавлено из русской традиции: «Паказвае на значэнне дзеяння, якое нерэгулярна паўтаралася ў мінулым: іншы раз, раней, здаралася» [ТСБМ 1977: 428].

⁷ Любопытно, что этот роман Василя Быкова представляет собой авторский перевод с белорусского и войдёт также в белорусско-русский параллельный корпус в составе НКРЯ. В оригинале Быков также использовал частицу *бывала*, но с будущим временем: *Бывала, да вайны за грошы чорта табе змайструе.*

	XVIII–XIX вв.	1900– 1950	1950– 1990	после 1990
Частица <i>бывало</i> (в составе конструкции) от всех вхождений словоформы <i>бывало</i>	50%	44%	41%	27%
Будущее время + настоящее время от всех вхождений конструкции	65%	75%	46%	41%
Прошедшее время от всех вхождений конструкции	27%	20%	50%	58%

Приведённые цифры говорят о следующем:

1) Конструкция с частицей *бывало*, не являющейся финитным глаголом (*откроешь бывало* или *открывал бывало*), в XVIII–XIX веках встречалась столь же часто, что и финитное *бывало* (в *как ни в чём не бывало*, *ничуть не бывало*, *бывало так, что...*); в наше время – почти втрое реже; резкий перелом в этом процессе наметился в самые последние 20 лет, но плавное снижение шло и раньше. В современном языке у этой конструкции ощущается некоторый налёт цитатного, «сказового» регистра.

2) Наиболее сильно грамматикализованная конструкция с частицей *бывало* + будущее время вместе с имеющей промежуточный статус конструкцией *бывало* + настоящее время, уже начиная со второй половины XX в. уступает место конструкции *бывало* + прошедшее время, для которой характерно дистантное расположение компонентов.

С просодической точки зрения несамостоятельный статус обоих показателей также может быть утрачен; применительно к *было* об этом говорит растущее число его обособлений на письме (по сравнению с записью в XIX в. вида *пошёл-было*; см. [Сичинава, 2009]); что до *бывало*, то аргументами могут служить нормативное закрепление его пунктуационного обособления в XX в., растущее количество его финитных употреблений, вытесняющих частицу, а также преобладание дистантных контекстов.

Что касается грамматической сочетаемости показателей, то сочетаемость конструкции с *было*, первоначально ограниченная, в соответствии с этимологией, глагольными формами прошедшего времени распространяется на причастия и нулевой глагол, а в XX веке – на *praesens historicum* (подробнее см. [Князев, 2004; Сичинава, 2009]). Для *бывало* также чрезвычайно характерна сочетаемость с подвергнутым

эллипсису и нулевым глаголом, изредка встречаются также сочетания с причастиями:

- (27) Все те прежние приемы, *бывало*, неизменно *увенчиваемые* успехом... [Л. Н. Толстой. Война и мир. Том третий (1867–1869)].

Процесс «высвобождения» *было* и *бывало* из прокрустова ложа грамматикализовавшихся конструкций (в которое, впрочем, они никогда не были загнаны полностью) поддерживает известную близость этих частиц в разговорной ненормированной речи. Эта синонимия существует, судя по всему, непрерывно с достаточно древнего периода, учитывая формальный параллелизм частиц и наличие «альтернативного» источника частицы *было*, не связанного с плюсквамперфектом. В XVIII веке отмечены примеры, где *было* синонимично *бывало* [Словарь XVIII: 2: 180–181; Сичинава, 2012]:

- (28) То правда, что уж велик ростом, А в ночи *было* ему никто *не попадайся* на дуло (Интерлюдии).
- (29) Когда *было выьдет*, всяк долой с дороги, И шапочку сняв, ему головою в ноги (А. Д. Кантемир, Сатира II, 35).

О древности синонимии *было* и *бывало* говорит, в частности, до сих пор сохраняющаяся синонимия несогласуемого *було* (в одном из значений) и *бувало* в украинском языке [СУМ 1970: 245, 254].

Ряд русских примеров XIX–XXI веков, в том числе литературных, в которых *было* означает то же, что *бывало*, и устроено аналогично по сочетаемости (в том числе с будущим временем), приведён в [Сичинава, 2010, 2012]:

- (30) Они *было*, на своем рабочем месте *пытались объяснить* и объяснили наконец... (В. Астафьев, пример разбирается также в [Попова-Боттино, 2009]).
- (31) Как *придет было* с ней, все хотел, чтобы Машка косу свою рыжую расплела поскорей и поменьше чтоб выпивала (М. Вишневецкая).

Ср. пример из диалектной речи с имперфективирующим *-ива-* в полнозначном глаголе (*было говаривали* фактически равнозначно *бывало говорили*):

- (32) Мне ещё *было говаривали* мужики: “Как из этого дому поедем того году ловить, дак год оправдан будёт, хорошо попадёт рыбы” (Архангельская область, запись А. Л. Мороза, 1997).

Надо отметить, что в русистике уже известно сочетание хабитуальной и антирезультативной семантики у маргинальной конструкции «*было* + будущее». Последняя отмечена в работах А. А. Потехни, В. И. Чернова и др., на письме она нередко выступает с обособлением частицы (*пойдёт, было, и вернётся*) [Varentsen, 1986: 11]: В Корпусе второй половины XX – начала XXI века таких примеров не встретилось. В свете существования хабитуальных контекстов, где *было* синонимично *бывало*, не обязательно рассматривать такие контексты как результат контаминации «литературных» *пойдёт бывало vs. пошёл было и вернулся*; частица *было*, возможно, просто демонстрирует в таких условиях свою неоднозначность:

- (33) Он *соберет, было*, рекомендации у известных писателей, изловчится да и ударит по приёмной комиссии. А его возьмут да и отшибут (Литературная Россия) [Чернов, 1970: 263].

В устных текстах отмечено сочетание *было* с глаголами несовершенного вида в прошедшем времени со значением ‘прекращённая ситуация’, нехарактерное для литературной конструкции:

- (34) И / снова / и с тех пор шахта наша села // То *было гремела* / а теперь / потом села / перестала план выполнять / а потом вообще закрыли ее [Сергеева, Герд (ред.), 1998].

В этом отношении характерен пример с согласованным сериализованным финитным глаголом *были*, который стоит в одном ряду с *бывало*:

- (35) [Респондент, жен., 83]. *Были / собирались мы*. Человек по 20 / *бывало / собирались*. Так мы там и жили-то мало. по-моему / один Новый Год встретили / а потом май и я уехала [Биография (беседа лингвиста с информантом) // Архив Хельсинкского университета, 1997–1998].

Таким образом, частицы *было* и *бывало*, в определённый исторический период проявлявшие тенденцию к жёсткой грамматикализации и специализации как с точки зрения сочетаемости (*решил было, откровенно бывало*), так и с точки зрения семантики (‘нарушение нормального хода ситуации, обычно раннее’, ‘хабитуальная ситуация в прошедшем’), вновь возвращаются в свою прежнюю стихию – полусамостоятельных глагольных словоформ, передающих широкий спектр значений из зоны неактуального прошедшего.

Литература

БАС-2 (1991) – Словарь современного русского литературного языка [2-е изд., неоконч.]. Т. 1. А–Б, М.: Русский язык, 1991.

Вайс Д. (2003). Русские двойные глаголы и их соответствия в финно-угорских языках // Русский язык в научном освещении, № 2 (6), 37–59.

Гринченко Б. Д. (сост.) (1907) Словарь української мови = Словарь украинского языка. Т. 1. К.: Киевская старина.

Гришина Е. А. (2005). Устная речь в Национальном корпусе русского языка // Национальный корпус русского языка: 2003—2005. Результаты и перспективы. М.: Индрик, 94–110.

Зализняк А. А. (2008). Древнерусские энклитики. М.: Языки славянских культур.

Киселёва К. Л., Пайяр Д. (ред.) (1998). Дискурсивные слова русского языка. М.: Метатекст.

Князев Ю. П. (2004). Форма и значение конструкций с частицей *было* в русском языке // Ю. Д. Апресян (ред.). Сокровенные смыслы. Слово, текст, культура. Сборник статей в честь Н. Д. Арутюновой. М.: Языки славянских культур, 296–304.

Короткова Н. А. (2009). «Прошлое» и «сверхпрошлое» в адыгейском языке // Я. Г. Тестелец (ред.), Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка. М.: РГУ, 262–286.

МАС (1981) – А. П. Евгеньева (ред.). Словарь русского языка: В 4-х т. 2-е изд. Т. 1. М.: Русский язык.

Ожегов С. И. (1952) – Словарь русского языка. Под ред. С. П. Обнорского. 2-е изд. М.: Государственное изд-во иностранных и национальных словарей.

Ожегов С. И. (1989) – Словарь русского языка. Под ред. Н. Ю. Шведовой. 21-е изд. М.: Русский язык.

Петрухин П. В., Сичинава Д. В. (2006). «Русский плюсквамперфект» в типологической перспективе // Вереница литер: К 60-летию В. М. Живова. М.: Языки славянских культур, 193–214.

Петрухин П. В. (2007). *Жили-были*: вопрос закрыт? // Русский язык в научном освещении, № 2 (14), 268–282.

Плунгян В. А. (2001). Антирезультатив: до и после результата // В. А. Плунгян (ред.), Исследования по теории грамматики. Вып. 1: Грамматические категории. М.: Русские словари, 50–88.

Попова-Боттино Т. Л. (2009). Проблема размещения частицы *было* с точки зрения коммуникативного анализа // Вопросы языкознания, № 4, 72–86.

Путеводитель 1993 – *Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В., Кодзасов С. В.* Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М.: Русские словари.

Сергеева Н. С., Герд А. С. (ред.) (1998). Русская разговорная речь европейского Северо-Востока России. СПб.

Сичинава Д. В. (2008). «Сдвиг начальной точки»: употребление некоторых глагольных форм в интродуктивной функции // В. Ю. Гусев, В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Грамматические категории в дискурсе. М.: Гнозис, 241–274.

Сичинава Д. В. (2009). Стремиться пресекать на корню: русская конструкция с *было* по корпусным данным // К. Л. Киселёва и др. (ред.). Корпусные исследования по русской грамматике. М.: Пробел, 362–396.

Сичинава Д. В. (2010). Русские маргинальные конструкции с *было*: к постановке проблемы // Фонетика и грамматика: настоящее, прошедшее, будущее. К 50-летию научной деятельности С. К. Пожарицкой. М.: МГУ, 192–200.

Сичинава Д. В. (2012). Частицы *было* и *бывало* в русском языке XVIII века // Русский язык в научном освещении, № 2.

Словарь XVIII – Словарь русского языка XVIII века. Л.: Наука, 1984.

СУМ (1970) – Словник української мови. Т. 1. К.: Наукова думка.

Ткаченко О. Б. (1979). Сопоставительно-историческая фразеология славянских и финно-угорских языков. К.: Наукова думка.

ТСБМ (1977) – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: Т. 1. Мінск: Беларус. сав. энцыклапедыя.

Ушаков Д. Н. (ред.) (1935), Толковый словарь русского языка: В 4 т., Т. 1. М.: Советская энциклопедия – ОГИЗ.

Шевелёва М. Н. (2007). «Русский плюсквамперфект» в древнерусских памятниках и современных говорах // Русский язык в научном освещении, № 2 (14), 214–252.

Шошитайшвили И. А. (1998). Русское «было»: пути грамматикализации // Русистика сегодня, 3/4, 59–78.

Barentsen A. A. (1986). The use of the particle БЫЛО in modern Russian // Dutch Studies in Russian Linguistics. Amsterdam, Vol. 8, 1–68.

Dahl Ö. (1985). Tense and Aspect Systems. Oxford: Blackwell.

Dambriūnas L. (1960). Lietuvių kalbos veiksmazodžių aspektai. Boston: Lietuvių enciklopedijos leidykla.

Hopper P. J. (1991). On some properties of grammaticization // E. Traugott, B. Heine (eds.), Approaches to grammaticalization. Vol. 1. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 17–35.

Kagan O. (2011). The actual world is abnormal: on the semantics of the bylo construction in Russian // Linguistics and Philosophy. Vol. 34, 57–84.

Mønnesland S. (1984). The Slavonic frequentative habitual // C. de Groot, H. Tammola (eds.). Aspect bound: a voyage into the realm of Germanic, Slavonic and Finno-Ugrian aspectology. Dordrecht: Foris, 53–76.

Plungian V. A., van der Auwera J. (2006). Towards a typology of discontinuous past marking // Sprachtypologie und Universalienforschung 59, 317–349.

Senn A. (1966). Handbuch der Lithauischen Sprache. Bd. I. Grammatik. Heidelberg: Winter.